

АЛЛА АНДРЕЕВА

Суть его жизни

Традиционное начало биографии — Даниил Леонидович Андреев родился 2 ноября 1906 года в Берлине — в рассказе об этой жизни не трафарет, а настоящее начало. Потому что некая отмеченность судьбы началась именно с рождения поэта. Отмеченность эта имела форму прямо-таки мифологическую: тяжелейшие удары судьбы сопровождали всю его жизнь и все они как бы другой, светлой рукой оборачивались даром судьбы.

Даниил Андреев был вторым сыном Леонида Андреева от горячей любимой им Александры Михайловны Велигорской. Мать Даниила умерла вскоре после рождения сына от послеродового заболевания, оставив на земле беспомощного младенца, которого, к тому же, не хотел видеть отец, обезумевший от горя.

За ребенком приехала в Берлин старшая сестра умершей, Елизавета Михайловна, жена московского врача Филиппа Александровича Доброва. В юности, еще в Орле, Елизавету Михайловну связывала с Леонидом Николаевичем очень теплая дружба. Позже, там же, в Орле, он полюбил свою будущую жену, младшую Велигорскую, тогда еще гимназистку. Когда случилось несчастье, Елизавета Михайловна перенесла всю глубину чувства и к младшей сестре, и к Леониду Николаевичу на то слабенькое существо, которое она привезла из Берлина в Москву.

Ребенка выходили, и он прожил счастливейшее детство, сложную юность и трудные зрелые годы в семье Добровых. Елизавету Михайловну он называл мамой; Филиппа Александровича — дядей, но любил его гораздо больше, чем отца, вскоре снова женившегося и для Даниила почти теоретического.

В семье Добровых жила и третья из сестер Велигорских — Екатерина Михайловна, добровольно работавшая медсестрой в больнице

для душевнобольных. И еще там жила бабушка, «бусинька» — главный персонаж детства Даниила, мать сестер Велигорских, Ефросинья Варфоломеевна Шевченко-Велигорская. Она была дочерью названного брата Тараса Шевченко, которого звали точно так же, как и его родного брата — Варфоломей Шевченко. Ефросинья Варфоломеевна была человеком властным, всеми почитаемым и, очевидно, очень волевым — мать пятерых детей, она, взяв этих детей, ушла от мужа.

Хочется вспомнить еще один рассказ, рисующий жизнь «Добровского дома» — так его называли в Москве. Почти напротив двухэтажного доннаполеоновского домика, в котором семья в прежние времена занимала первый этаж, находился храм Покрова в Левшине. Добровы были прихожанами этого храма. Однажды, уже после резолюции, случилось несчастье: священнику стало плохо во время богослужения. Его принесли в квартиру Добровых. Там он и умер, а его осиротевшую дочку Добровы оставили у себя. В то время они занимали уже три комнаты из всей квартиры, и старшие — Филипп Александрович, Елизавета Михайловна и Екатерина Михайловна — жили в бывшей «зале», разгороженной занавесками на общую столовую и «индивидуальные» отсеки.

Даниил рос баловнем и любимым ребенком всей семьи. «Добровский дом» был первым даром Судьбы, изменившим страшный знак сиротства и возможной жизни в семье отца, далеко не такой доброй и патриархальной, да еще с мачехой...

Мальчик гулял в скверах около Храма Христа и в Кремле — тогда для всех совершенно открытом. Но в его сознание и Кремль и Храм вошли совершенно иначе, чем это обычно бывает. Белый Храм над излучиной реки, изваяния святых не «остались в памяти», а формировали личность¹. Кремль стал глубинным центром этой личности². Первое «видение», посетившее пятнадцатилетнего юношу, было видением небесного Кремля над Кремлем земным³.

Он не был музыкален — при всей удивительной музыкальности его стихов. Но особое чувство музыки языка проявилось тоже в раннем детстве в смешной детали. Дамы в те времена носили вуали. Его, естественно, хорошо говорившего, невозможно было заставить выговорить слово «вуаль» — он говорил «валь». И только вечером, засыпая в детской постельке с пологом, шептал с наслаждением сам себе «в-у-аль»...

Живой, веселый и непослушный, затихал от странных, по общепринятым меркам, вещей. Был у него учитель, который занимался

с ним дома, как это было принято в те годы. Мне очень жаль, что я не помню имени этого человека, очевидно, очень умного и хорошего педагога. За целую неделю хорошего поведения Даниилу в воскресенье полагалась награда: учитель рисовал ему *одну* букву санскритского алфавита и вез по Москве каким-либо новым маршрутом трамвая. И опять эта маленькая черта детства смыкается с очень важными чертами в будущем: страстной любовью к Москве и к Индии.

Революция и разруха коснулись всех, и все искали способа прокормиться. Семья Добровых в значительной степени поддерживала свое существование продажей препарата, изобретения Филиппа Александровича, который назывался «Дрожжи доктора Доброва» и в свое время был очень популярен в Москве. Разносчиками его были пятнадцатилетний Даниил и его подруга с 4-летнего возраста Таня Оловянишникова (из семьи купцов Оловянишниковых).

Дети ходили пешком по Москве, что в те годы делали все за полным отсутствием транспорта. А потом у Даниила это перешло в бесконечные одинокие, дневные и ночные, странствия, навсегда связавшие его особой любовью с Городом.

Так наступила юность. Она была не легкой и не беспечальной, но эта тема настолько велика и сложна, что я ее мину⁴.

Здесь правильнее всего назвать те черты его личности, которые определили его жизненный путь.

Прежде всего, это особый, религиозный склад. Добровы были русской православной семьей, и Даниил был православным. Но где бы он ни жил, кто бы его ни воспитывал, какая бы среда его ни окружала, религиозным он был бы всегда. Религиозный склад человека есть именно конструкция личности, нечто изначальное в нем, не привитое, не заимствованное, не вынужденное, а вытекающее из самой структуры души.

Другой основополагающей чертой нужно назвать именно то, что он был *поэтом*, творческой натурой так же структурно, как и натурой религиозной. Этот склад души определил весь его жизненный путь — и смерть тоже.

Третья черта — не агрессивная по проявлениям, но непреодолимая бескомпромиссность — проявилась позже. Учился он в частной гимназии сестер Репман, которую закончил уже как советскую школу⁵. В Университет не был принят, потому что был сыном Леонида Андреева. Учился на Высших литературных курсах, которые закончил в конце 20-х годов. Закончив курсы еще совсем

молодым человеком, он понял, что написанное им не увидит света. Он освоил профессию художника-шрифтовика, которой и зарабатывал на жизнь. Писал же по ночам, целыми ночами. Уже тогда отношение к творчеству как к главному содержанию жизни было у него совершенно четким.

Он был очень красив и обаятелен, чего совершенно не понимал. В гости к друзьям всегда приходил с тетрадкой стихов, позже — с очередной главой романа «Странники ночи», который начал писать в 1937 году. Я хорошо помню его слова: «Лучшее, что во мне есть, это поэзия; естественно, что к тем, кого я люблю, я прихожу с этим лучшим».

Жизнь людей нашего круга была очень трудна. Почти все жили очень бедно. Видались ограниченным кругом друзей — втроем, вчетвером самое большее. Исключениями были праздники — день рождения и, главное, Рождество, Пасха, Новый год, которые в доме Добровых справлялись с дореволюционной широтой, хоть и скромно по затрачиваемым деньгам.

Радостью были концерты в Большом зале консерватории⁶, на которые приходили целыми компаниями. Радостью были те встречи в теснейшем кругу друзей, на которые Даниил приносил свои стихи. В начале тридцатых годов он писал поэму «Монсальват» — свою версию известного средневекового сюжета. Я упоминаю об этой ранней, не завершенной им работе, потому что она говорит о круге идей и образов, которые были так дороги ему и тем, кто его слушал в то время. В то глухое, страшное время, когда каждый ежедневно слышал об арестах и ежедневно ждал ареста близких, помогали жить образы Монсальвата и Святого Грааля.

Естественно задать вопрос: почему Монсальват и Св. Грааль, а не ценности Православия — ведь и Даниил Леонидович, и все, его окружающие, были православными?

Тем, кто живет сейчас, очень трудно представить себе трагическое, мученическое молчание православной Церкви тех лет. Этой ценой наша Церковь купила себе жизнь, то есть — наше спасение. С кляпом во рту служила Она литургию, и благодаря этому мы сейчас оказались силою Божьей сохраненным русским народом. А тогда это молчание, наступившее после болезненного расцвета начала века и разгула бесовской «обновленщины» двадцатых годов, вызывало глубокую тоску верующих и думающих людей и дало жизнь таким символам-реальностям, как русский Китеж и западный Монсальват⁷.

Рядом была подпольная «Тихоновская» церковь. Даниил не был ее членом, но ими были близкие и любимые друзья.

Наследие начала века — зазвучавший голос русской философии о потере веры — чувствовалось сильно и долго. Да и теперешний оккультный шабаш, вероятно, какими-то корнями уходит в те годы. Такого шабаша не было в дни доарестной жизни Даниила Андреева. Тогда люди проще делились на верующих (подразумевалось — православных), неверующих и «ищущих». Даниил Леонидович был верующим. Он говорил мне, что в его жизни не было ни мгновения сомнения в Боге. Был он православным, но так любил все, что касалось Индии (начиная с тех самых детских букв), что в юности его дразнили «индоманом».

Попробовали его привлечь в свои ряды антропософы, причем антропософы «первого призыва» — Екатерина Алексеевна Бальмонт, например, со своей подругой Ольгой Николаевной Анненковой, — но безуспешно.

Мы познакомились в начале марта 1937 года.

В этом, 1937 году он начал работать над большим романом. Роман этот — отдельная тема, здесь я могу коснуться его только очень внешне. Действие происходило в Москве, очень точно и реально написанной Москве того года. На этом фоне происходили события трех ночей, отделенных друг от друга несколькими месяцами. На последней странице романа всходила Утренняя звезда, и назывался он «Странники ночи»⁸. Переплетались две сюжетные линии: группа мечтателей, разрабатывающих основы будущего религиозного мировоззрения, и богоборческий порыв одного из героев — повторить деяние Христа, умереть и воскреснуть ради творения мира, в котором не будет Зла. Концом группы мечтателей был арест и смерть в тюрьме ее руководителя. Реальная подробность того времени: он был арестован за отказ проголосовать за смертную казнь обвиняемым знаменитых процессов.

Богоборец, раскаявшись в греховном замысле, уходил, один, в странствие. Его единственный сподвижник кончил жизнь самоубийством.

Начиналось действие романа в обсерватории видением туманности Андромеды — совершенного мира, в котором нет Зла. Одновременно описывалось, очень просто и страшно, крушение на железной дороге. Так входили в ткань повествования двое из его героев.

Была в этом романе сцена, о которой я хочу рассказать.

Арестованный руководитель подпольной группы, индолог Леонид Федорович Глинский, на Лубянке, в камере, набитой разными людьми. Совершенно безнадежное будущее — для всех одно. В этой же камере, вместе с Глинским, находятся православный священник и мулла. Не говоря друг другу ни слова, эти трое, по очереди, молятся обо всех остальных. Молча. Когда того, кто молится сейчас, вызывают на допрос, он взглядом передает свою молитвенную стражу одному из двух оставшихся⁹.

Канонически это, конечно, недопустимо. Но я не думаю, чтобы нашелся священнослужитель, осуждающий этих людей.

Это — тот трагический экуменизм, который сам собою рождался в лагерях и тюрьмах безбожного времени как общее противостояние безбожию во имя Бога, хотя бы и разного для разных людей.

В апреле 1941 года скончался Филипп Александрович Добров. Иногда Судьба бывает милостива к очень хорошим людям: не дает им дожить до какой-нибудь катастрофы. Филипп Александрович умер за два месяца до войны. Его отпевали по православному обряду дома. В те времена это граничило если не с преступлением, то, во всяком случае, с очень серьезным нарушением общественного регламента. И все же окна и двери квартиры в первом этаже были открыты настежь, и добрая половина Малого Левшинского переулка была полна народу, как в храме. Пришли те, кого доктор Добров лечил, опекал, спасал.

Уже во время войны умерли Елизавета Михайловна и Екатерина Михайловна. Добровский дом кончился. В живых в этом доме остались дочь Добровых Александра Филипповна и ее муж, Александр Викторович Коваленский, интересный человек, малоизвестный переводами Конопницкой, Словацкого и Ибсена и совсем неизвестный очень значительный поэт и прозаик. Все его произведения погибли.

Даниил Леонидович по состоянию здоровья был нестроевым рядовым, но войну прошел очень страшными ее гранями.

Интересно, что к нему как к сыну Леонида Андреева было очень разное отношение. Сначала, под Москвой, где он оказался при штабе, начальству доставляло явное удовольствие издеваться по мере сил над сыном известного русского писателя. А позже, на фронте, он видел много искреннего, хорошего отношения к себе — по этой же самой причине.

Очень короткое время он работал в каком-то маленьком киоске, торгующем мелочами и кое-какой провизией. В самом скором времени эта его «торговая деятельность» чуть не закончилась полной

катастрофой — отдачей под суд за недостачу. Причин недостачи было две: Даниил Леонидович стеснялся скрупулезно требовать с покупателей мелочь, а часть продуктов — хлеб — не мог не давать жеребенку, пасущемуся невдалеке и очень скоро понявшему, куда надо совать голову за этим.

После войны военный юрист (помню только фамилию — Дворецкий) рассказывал мне, как к нему попало «дело о недостаче» и вместе с делом пришел очень спокойный солдат, по виду которого было ясно, что ничего нигде он не брал и в торговле ему делать нечего. Всплыл на свет Божий и жеребенок, а вскоре юрист догадался и о происхождении солдата, который сам об этом не говорил. Дело было закрыто.

Врач полевого госпиталя Николай Павлович Амуров, когда к нему прибыл надорвавшийся на перетаскивании снарядов Андреев, у которого была болезнь позвоночника, оставил солдата в госпитале, где он проработал санитаром до осени 1944 года.

Говоря о военных дорогах, доставшихся Даниилу Леонидовичу, довольно одних названий: ледовая трасса Ладоги, осажженный Ленинград, Шлиссельбург, Синявино.

Там, на этих страшных дорогах, он увидел чудовище из бездны — одного из тех, кто обозначен в книге «Роза Мира» именем уицраоры. Это демоны темной государственности. Жадные, хищные, ненасытные, они ведут свои чудовищные войны в иных пространствах, а войны на Земле — лишь отражения тех битв. Это чудище выведено Даниилом в его поэме «Ленинградский Апокалипсис»¹⁰.

Служил он и в похоронной бригаде. Хоронил убитых в братских могилах. Над всеми этими могилами читал зауспокойные молитвы и пытался посадить хотя бы какие-нибудь травинки.

Даниил Леонидович вернулся осенью 1945 года и последнюю военную зиму проработал художником в Музее связи в Москве. С этого момента мы были вместе.

Вернувшись, он смог продолжить работу над романом, и к апрелю 1947 года, когда нас арестовали, роман был практически закончен.

Основным обвинением был именно этот роман, и очень своеобразную роль сыграл плотный реализм самой его фактуры. Следователи на Лубянке совершенно не могли уразуметь, что талантливый писатель не описывает то, в чем участвует, а создает особую реальность, пользуясь отдельными чертами — своими и окружающих, — вызывает к жизни образы людей. Людей этих в буквальном смысле нет, хотя они должны бы быть и похожие, безусловно, существуют.

Арестовано было по «делу Андреева» много родных и друзей, и много ночных допросов было посвящено выяснению безнадежных вопросов: где такой-то подследственный познакомился с таким-то — называлась фамилия одного из персонажей романа. Интересно, что я на Лубянке и в лагере встретила представителей двух групп, напоминающих то, что было описано в романе. Никого из них Даниил Леонидович не знал, и они ничего не знали друг о друге.

Следствие продолжалось девятнадцать месяцев, на Лубянке и в Лефортове. Подробностей мы никогда потом друг другу не рассказывали. О применяемых к нам мерах я могу только сказать, что, кроме всяческих обманов и провокаций, не давали спать. Мне в Лефортове не давали спать три недели, после которых я, естественно, была полувменяемой.

Еще я должна сказать, что героев следствия среди нас не нашлось: говорили все и все, говорили и о себе, и о других и гораздо больше, чем было надо.

Думаю, что в значительной степени это объясняется так: мы были по всей сути своей противостоянием бездуховной эпохе — за это и заплатили своей судьбой. Но мы совершенно не были политическими деятелями. Не было у нас партийной дисциплины; не знали мы правил конспирации; не знали, как надо вести себя на допросах и не попадаться на провокации. Никого, собственно, физически свергать не собирались. И, конечно, не могли иметь и тени мысли о том, что кто-то где-то на Западе прошепчет хоть слово о нашей судьбе, что кто-то где-то когда-то о ней узнает.

Плотность «железного занавеса» тоже ведь плохо сейчас себе представляют...

Помню вечер у нас с Даниилом дома. Мы вместе рассматривали старые открытки с видами европейских городов из старого альбома. Долго смотрели, а потом я сказала ему: «Знаешь, а ведь мне кажется, что ничего этого на самом деле нет». Он долго смеялся надо мной, а потом признался, что и сам понимает мое чувство.

Конечно, надо еще прибавить продолжавшийся не одно десятилетие страх перед арестом — своим и близких. Не пережившие этого многолетнего, тошнотворного, обессиливающего страха не могут сейчас многого понять в психологии людей — *не того поколения, а тех поколений*. Современные попытки сводить счеты и стараться распутать — кто что где когда кому про кого сказал — бессмысленны и уводят от понимания подлинного трагизма эпохи, ломавшей не только судьбы, но и — главным образом — души и волю.

В результате девятнадцатимесячной «работы» органов обвинение выглядело так: 58–10 — антисоветская агитация: роман, стихи, мнения; 58–11 — группа, потому что и роман и стихи читались друзьям, и с этими друзьями были «разговоры»; через 17-ю 58–8 — террор, помощь в подготовке покушения на Сталина. Того, кому мы помогали, не было ни в действительности, ни в деле.

Террор в применении к Сталину — частое обвинение тех лет. Чтобы дать представление о характере этих обвинений, расскажу о встречах в Мордовском лагере. Нас было четверо русских «террористок» разного возраста, «убивавших» Сталина. Самая старшая, милая пожилая дама, бывшая воспитанница Института благородных девиц, а позже преподавательница русского языка и литературы в московской школе, была осуждена на 25 лет даже не ОСО, а народным судом. По делу она проходила *одна*, и в деле было упомянуто, что при ней найдено оружие: «нож для разрезания книг».

Следующей по возрасту была я, признавшаяся на следствии (с недопустимой легкостью и непониманием ситуации) в ненависти к Сталину и в том, что с радостью стукнула бы его табуреткой по голове за то, что он сделал с Россией. Это стоило 25-летнего приговора Даниилу, вполне разделявшему такие чувства, мне и еще нескольким людям.

Следующая террористка занималась спиритизмом вместе еще с двумя дамами и одним мужчиной. Блюдечко, крутясь, сообщило, что Сталин через некоторое время умрет, после чего жить станет легче. Там приговор был маленький — 8 лет.

Самой молоденькой террористкой была недавняя ярославская школьница. Десятиклассники рассуждали о том, что жизнь, кажется, пошла не по ленинскому пути, и повел ее вбок Сталин. Мальчиков расстреляли, девочки получили двадцатипятилетние сроки.

Мне захотелось сделать это отступление отчасти потому, что сейчас упорно говорят о том, что весь русский народ, склонный любить тираническую власть, находился под гипнотическим обаянием Сталина. Нет. Далеко не весь.

Нас «судило» ОСО — «тройка». Это значит, что никакого суда не было. Вызвали всех поодиночке в разные кабинеты и «зачитали» приговоры. Даниил Леонидович получил самый тяжелый приговор — 25 лет тюрьмы. Смертную казнь мы не получили только потому, что она на короткий срок была заменена двадцатью пятью годами заключения.

Даниил Леонидович весь срок — не 25, а 10, о чем ниже, — отбывал во Владимирской тюрьме. Когда его перед отправкой

во Владимир вели под конвоем где-то на запасных путях, одного (тюрьма была не массовым приговором), конвоир ударил его прикладом. Путьевой рабочий возмущенно закричал на конвоира. Как мне хочется, чтобы те, кто слушает сейчас по «голосам» о правах человека, поняли, чем рисковал этот рабочий, сколько смелости ему требовалось. Поняли бы, почему Даниил рассказывал мне *это*, а не подробности следствия, и почему мы оба запомнили *этот* эпизод, забыв многое из ночных допросов.

Теперь мне нужно перейти к самому главному.

Говоря о структуре личности Даниила Андреева, я имела в виду некую прозрачность сознания, доступного проникновению сквозь, этот мир — мира иного. Такая способность была врожденной, но проявлялась редко, неожиданно, в каких-то особых случаях.

В тюрьме через несколько лет все стало иначе. Произошло как бы открытие души, и то, что на воле было редкими моментами счастья, в тюрьме превратилось в систему.

Вероятно, тяжелейшие условия камеры, отдаленно сравнимые с условиями затвора, в сочетании с особым душевным складом Андреева и дали этот результат.

Такой душевный склад можно назвать аскетическим, понимая слово «аскеза» шире, чем это обычно понимается. Аскезой можно назвать всякое жертвенное отдание себя высшей цели, объективной ценности. Поэтому аскеза может быть не только монашеской или отшельнической; аскетическим может быть отношение к своему творчеству. Отсюда — восприятие своего творчества не как проявление *своей* личности, а как предоставление этой личности с ее способностями для выполнения долга, диктуемого свыше. Так воспринимал свою литературную работу Даниил Андреев и, может быть, проще всего выразил строчкой своего стихотворения: «Мечты высокой вольный пленник, я только ей мой труд отдам <...>»

Один из его сокамерников, академик Василий Васильевич Парин, физиолог материалистического склада, атеист, рассказывал мне, как выглядела работа Даниила в тюрьме: «Казалось, что он не пишет, а записывает то, что откуда-то слышит, что как бы льется через него, причем едва успевает записывать».

Что подразумевается под тем, что я назвала «открытием души»?

Говоря словами Андреева — открывается духовный слух, раскрывается духовное зрение, пробуждается глубинная память¹¹.

В связи с понятием «глубинная память» необходимо коснуться вопроса о реинкарнации.

Перевоплощение душ входит как догмат в религии индуизма и буддизма. Перевоплощения нет в христианстве, хотя нет и никаких противоположных утверждений. В Евангелиях об этом просто ничего не сказано. Концепцию Даниила Андреева ни в коем случае нельзя рассматривать как попытку религиозно-догматических утверждений. Это концепция философски-поэтическая, чего никогда не надо упускать из виду. В этом его видении мироздания перевоплощение душ не обязательно, но *может быть*, если это надо. Не механически, как в колесе воплощений восточных религий, а при свободной воле человека и если есть на то воля Божья.

Правда, Властелин Зла тоже имеет на Земле своих помощников и оттачивает их качества слугителей Зла — в своих областях Вселенной. Но бессмертную часть человека он может лишь похитить. Он ничего не может сотворить.

Все, написанное Даниилом Леонидовичем до ареста, было после следствия уничтожено. Во всяком случае, и он и я видели акт о сожжении романа, стихов, дневников, нашей фронтовой переписки и большого количества писем Леонида Андреева Добровым, очень близким его друзьям, и маленькому сыну. Даниил Леонидович написал на этом акте, что просит письма отца и роман «Странники ночи» передать в Литературный музей. Этого, естественно, сделано не было.

В тюрьме он очень много работал. Писал на клочках бумаги, с трудом добываемых. При шмонах все отбирали и уничтожали. Он писал снова. Все сокамерники помогали прятать написанное, в том числе — немцы и японцы, военные преступники, не знавшие русского языка и не понимавшие, что они прячут¹². Он восстановил много стихов, написанных в прежние годы, и целым потоком, как будто прорвав плотину, хлынули самые значительные из его произведений.

Им написаны в тюрьме черновики трех основных работ. Прозаическая «Роза Мира» — произведение, жанр которого никто не может определить. Это — мифологическое, философско-поэтическое, историсофское произведение. Аналогов я не знаю. Поэтический ансамбль — его термин — «Русские боги» говорит о том же, о чем и «Роза Мира», но говорит стихами, циклами стихотворений, поэмами. «Железная мистерия» — большая поэтическая драма и говорит о том же.

Так о чем же?

Вселенная многослойна. Наша Земля, тот слой, в котором мы живем, это перекресток, на котором встречаются системы миров иных

измерений и иных временных координат. Вверх — условно — от нас поднимаются Миры Просветления, все выше, все светлее, уходя в Мировую Сальватэру — обитель Логоса, Христа. Вниз же уходят Миры Возмездия, имеющие тоже свою сердцевину — Гашшарву, обитель Дьявола. Таково его имя здесь, в нашем мире, а на языке тех миров его зовут Гагтунгр. Имя многослойной Вселенной — Шаданакар, а наш слой называется Энроф.

Концепция многослойности Вселенной отнюдь не принадлежит Андрееву. Миную многое, напомним слова Христа в Евангелии от Иоанна (гл. 14, стр. 2): «В доме Отца моего обителей много». Да ведь если есть Земля, Рай и Ад — это уже многослойность. Нет принципиальной разницы — сколько слоев: три, тридцать три или двести сорок два, как у Андреева. Это лишь расслоение Рая и Ада.

Вот это расслоение, система миров, и разработана Даниилом Андреевым. Разработана не рассудочно, не «выдумана», а увиденна и услышана благодаря дару, который так полно раскрылся в тюрьме. И странные названия миров, и имена, употребляемые им, — услышаны.

Из этой структуры Вселенной происходит все, вся жизнь. Прежде всего — метаистория человечества, отражением которой является то, что мы называем историей. Именно с этой точки зрения Даниил Андреев рассматривает историю России, бесконечно им любимой, любимой особенно, при большой широте и при большой любви к истории всякой страны и всякого народа.

В светлых высотах и темнейших безднах мира действуют огромные существа. Каждый народ имеет своего светлого Водителя — Демиурга, ведущего к Свету свой народ. Каждый народ имеет свою светлую Соборную Душу — женственную сущность, вдохновительницу и охранительницу всякого светлого творческого начала в своем народе. Все Демиурги — братья и все Соборные Души — сестры, и нет между ними и никогда не может быть никакой вражды.

Светлым Силам противостоят демоны темной государственности, вечно стремящиеся пожрать друг друга и расширяться за счет друг друга. Они обитают в мире, населенном страшными существами, игвами, пестующими своих властелинов. Трагизм человеческих войн заключается, в метафизическом плане, в том, что в такие моменты вынужденно объединяются силы темных демонов и силы Демиурга, защитника своего народа. И еще одно страшное существо обитает в Гашшарве — демоница Зла, хищная Велга, ждущая как своей пищи крови, гибели, казней, анархии,

всеобщей вражды. В годы смут безликое черно-фиолетовое существо поднимается из своих глубин, умножая ненависть, вражду и кровопролитие.

Большая часть «Розы Мира» посвящена особой теме: отношению к природе. Андреев вводит понятие: стихииали¹³. Это — сущности, персонификации стихий. Среди них есть бесконечно светлые, направленные к сердцу человека с любовью и заботой. Есть величественные, в своем величии и несоизмеримости с нами выходящие за грань нашего понимания — как Души гор или Владыка Севера. Есть страшные и враждебные, например силы, таящиеся глубоко в недрах Земли и в пучинах Океанов.

Сейчас, когда возникло понятие экологии и возникло понимание необходимости охраны мира, в котором мы живем, слова, найденные Андреевым, очень нужны. Они равно далеки и от экологии потребительской — не руби сук, на котором сидишь! — и от экологии сентиментальной — не троньте красивый пейзаж! Может быть, какие-то из страшных рук, поворачивающих реки, остановились бы, поняв, что убивают этим души живых, прекрасных существ?

И, во всяком случае, иначе росли бы дети в мире живых, одухотворенных лесов и полей.

Вот так я перехожу к последним частям книги. Ища путей для воплощения идеи всечеловеческого братства, Даниил Андреев считает, что должна возникнуть свободная, добровольная федерация государств, объединенных под эгидой *этической* инстанции. Не политический строй, не религиозная конфессия, органически присущая каждому народу, связанная с его сутью и историей, а именно этика, по концепции Андреева, может объединить человечество. Такое объединение он и называет «Розой Мира». Может это произойти только тогда, когда вырастет поколение людей, которых он называет «людьми облагороженного образа». Принципам воспитания таких людей посвящена часть книги.

В «Розе Мира» есть главы, посвященные новейшей истории России. Есть и глаза о Сталине. Он рассматривается как наиболее выразительная точка персонифицированной концентрации Зла¹⁴. Конечно, по смыслу книги Андреева, деятельность Сталина ни в коей мере не ограничивалась личными человеческими недостойными качествами, а была инспирирована духом Зла, орудием которого он был. И не только Сталин.

«Железная мистерия» целиком посвящена России. Действие поэтической драмы начинается в десятые годы нашего столетия,

а кончается Концом света и переходом Земли в иное состояние. Действие происходит в трех слоях: Мирах горных, Мирах возмездия и на нашей горестной Земле, в России.

Народы, жившие на Земле и погибшие, сгинувшие и забытые культуры, — никто не погиб и ничто не уничтожено. Все продолжается в иных мирах и все участвует в той битве Сил Света с Силами Тьмы, в которой участвуем и мы. Силы Света, восходящие к Иисусу Христу, — победят. Зло будет не только побеждено, но и просветлено. Только случится это в далекой дали, а пока мы все — солдаты Всевышнего или помощники духа Зла — вольно или невольно, по неведению. Поэтому нужна нам эта книга, полная страстной мечты о Всемирном Братстве, о примирении и любви. Та окраска, которую придает этому стремлению Даниил Андреев, смыкается с исконно-русской идеей Соборности и спасения мира — достаточно вспомнить знаменитую речь Достоевского на открытии памятника Пушкину или весь облик, все устремление Евгения Трубецкого.

Даниил Андреев прежде всего поэт — в том древнем, исконном смысле, в котором неразрывны поэт и мыслитель¹⁵. Вся его жизнь необыкновенно ясна по провиденциальной направленности. Рассказав о его жизни и творчестве, я хочу вернуться к начальной мысли — о его двойной судьбе. Вся его жизнь сопровождалась тяжелейшими ударами. И каждый удар светлыми силами перековывался в счастливый дар. Так, тюрьма с безнадежным сроком вместо еще одной гибели дала миру очень большого поэта с совершенно своим мирознанием.

Чудом было спасение его рукописей из тюрьмы.

В 1954 году он перенес обширный инфаркт миокарда. В 1956 году по всем тюрьмам и лагерям работали комиссии по пересмотру дел политзаключенных. Не поддается счету количество выпущенных на волю. Гулаговская трасса — Караганда — Потьма — Москва — была практически выключена для обыкновенных пассажиров — ехали на свободу узники Гулага. Ехали на всех полках вагонов и на крышах, а по сторонам стояли люди и приветственно махали руками освобожденным. Немного позже этого исхода приехала и я домой, вернее, к родителям, на багажной полке общего вагона.

Через 10 дней, 25 августа 1956 года, после самых необходимых формальностей, я приехала на свидание с мужем во Владимирской тюрьме. Свидание происходило в крошечной комнатке (или мне так показалось?), мы сидели друг напротив друга за маленьким столиком, а третьей сидела надзирательница и умиленно на нас глядела. Такой же худой и смуглый, сильно поседевший, стройный, хоть

и сутулый, сначала он поднял меня на руки, а потом мы говорили отведенные нам два часа. Я совершенно не помню ничего, о чем мы говорили, ни одного слова, ни одной темы. В конце свидания он, под столом, протянул мне маленькую тетрадочку со стихами, я спрятала ее и увезла в Москву,

После первого свидания мы виделись во Владимире еще дважды, и оба раза я вывозила оттуда тетрадочки со стихами.

Почему же комиссия сняла 15 лет срока, но не выпустила на волю умирающего человека (о его обреченности знали)? Потому что Даниил Леонидович подал заявление, в котором написал, что он никого не собирался убивать и поэтому просит пересмотреть его дело, но пока в СССР нет свободы совести, свободы слова и свободы печати, он просит не считать его полностью советским человеком. Можно посочувствовать комиссии, которая даже и при желании не могла освободить, со снятием судимости, автора такого заявления.

Мне не оставалось ничего другого, как просить о переследствии.

Пришлось привлечь Институт судебной психиатрии им. Сербского, позже заслуживший такую скверную репутацию. Моя позиция заключалась в том, что человек, вернувшийся с фронта больным и вскоре арестованный, через столько лет заключения не может полностью отвечать за свои заявления. В конце концов, уже после отбытия уменьшенного, десятилетнего срока именно эта схема сработала: было признано, что подобное заявление *могло быть* написано человеком с «лабильной» психикой. Представить себе, что оно написано совсем другим человеком — очень честным и бескомпромиссным, — у официальных лиц возбуждения не хватило. На этот раз — к счастью.

В декабре или в конце ноября 1956 года Даниила Леонидовича повезли в Москву на переследствие. Мы с ним сговорились, что все, написанное в камере, он оставит во Владимире. Я поехала туда как бы на свидание. Меня провели к начальнику тюрьмы, который сказал мне, что Андреева увезли в Москву. Я спросила, где его вещи, потому что он настолько болен, что ничего не мог взять с собой. Начальник вызвал каптерщицу, которая принесла мешок с вещами, и этот мешок, где, вперемешку с личными вещами, были мелко исписанные тетради — черновики «Розы Мира», «Русских богов», «Железной мистерии» и отдельных стихов и сборников, — начальник тюрьмы мне отдал. Звали его Давыд Иванович Крот (не знаю, правильно ли пишу фамилию). До него начальствовал над владимирскими заключенными какой-то стандартный сталинский садист, а Давыда Ивановича пришлось разыскивать в каких-то

дальних краях, когда, после смерти Сталина и Берии, в начальники тюрьмы понадобился «человечный человек».

21 апреля 1957 года Даниил вышел на свободу. Вышел из той же двери в Москве, на Лубянке, в которую его ввели 10 лет тому назад. Был такой же сияющий солнечный день. Я ждала его в приемной на Кузнецком Мосту, и мы поехали к моим родителям — больше было некуда.

Наступили последние месяцы его жизни на земле. Этих месяцев было 23. Тяжелые сердечные приступы были постоянными.

Так мы и жили: по чужим домам, без копейки денег, на средства, собираемые друзьями. За несколько месяцев до его смерти нам заплатили за самую маленькую из напечатанных к тому времени книжек Леонида Андреева и дали Даниилу персональную пенсию как сыну Леонида Андреева — еще один поворот отношения к этому писателю. Тогда стало легче. Мы приобрели вместо первой плохой, купленной на чужие деньги, хорошую машинку — это было самое главное.

Он писал все время, когда мог подняться. Я была поблизости, держа шприц и сердечные лекарства наготове. Успел, по черновикам, написать «Розу Мира»¹⁶, не написал трех глав из «Русских богов»¹⁷, кончил «Железную мистерию»¹⁸, которую я перепечатывала уже после его смерти.

Еще одна радость ждала нас в конце жизни Даниила: встреча с прекрасным священником, протоиереем Николаем Голубцовым. Он обвенчал нас в храме Положения риз на Шаболовке¹⁹. Венчание было удивительным: в пустой церкви, в присутствии двух друзей и двух служительниц. Позже отец Николай, через черный ход, с помощью нянечек, пробрался в больницу, где лежал Даниил, чтобы исповедовать и причастить его. Сейчас тоже странно людям слушать, как конспиративно нужно было причащать православного умирающего его духовному отцу.

Дома, перед смертью, отец Николай еще раз сделал это, уже без конспирации. Он и отпевал Даниила. Гроб стоял точно на том же месте, на котором за восемь месяцев до этого мы венчались.

Он умер 30 марта 1959 года, похоронен на Новодевичьем, рядом с матерью и бабушкой.

В конце пути еще выразительнее и ярче проявилась суть его жизни: аскетический творческий подвиг. Жизнь, принесенная в жертву высшему долгу.

